

рэння і сферы выкарыстання. Вынікі праведзенага аналізу будуць карыснымі пры ўкладанні гісторыі фарміравання прыходна-расходных кніг як асобнага комплексу дакументальных крыніц і іх інфармацыйных магчымасцей, пры характарыстыцы жанравых паказчыкаў прыходна-расходных кніг, а таксама пры апісанні канцэлярыскай справы у Вялікім Княстве Літоўскім у адпаведны перыяд, пры канкрэтызацыі ролі пісараў і дзякаў, іх манеры складання і перапісвання дакументаў.

Пятаева Н.В., Стерлитамак, Россия

ПАУК: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Этимологические словари русского языка отмечают общеславянское происхождение слова *паук* и возводят его к праслав. **paǫkъ*, образованному с помощью префикса **pa-* от **ǫkъ*/**opkъ*, корневой гласный которого мог претерпеть вполне закономерные преобразования: *op > ǫ > o > u*. Ввиду наличия у паука кривых ног, словари в качестве родственных **paǫkъ* приводят греч. *ὀυχος* 'загнутый назад зубец стрелы; крючок', *αυχων* 'локтевой сгиб'; лат. *uncus* 'крюк', поэтич. 'якорь', *apcus* 'криворукий'; др.-инд. *aṅka's/aṅka'ṭi* 'изгиб, крюк' (от и.-е. корня **ank-/ang-/onk-* 'сгибать, гнуть'). Таким образом, в качестве основного признака, положенного в основу внутренней формы слова *паук*, традиционно считается наличие у паука изогнутых или кривых ног/рук. Однако внимательное рассмотрение истории этого слова в контексте научной и мифологической картин мира позволяет пересмотреть его этимологию.

По данным энциклопедических словарей, *пауки* (*Araneina*) относятся к отряду членистоногих, классу паукообразных; ночные хищники, питающиеся вредными насекомыми; подразделяются на *тенетных*, ткущих паутинные сети, и на *блуждающих*, ловящих добычу на бегу; некоторые ядовиты; на заднем конце тела расположены паутиновые бородавки с железами внутри, *паутина* – вязкое выделение паутинных желез, способное растягиваться в тонкие, быстро затвердевающие на воздухе нити, из которых животные делают ловчие сети, убежища и яйцевой кокон. В качестве отличительных признаков паука зоологи отмечают его *хищность*, *искусство в плетении паутины*, *ум и ловкость в охоте* (а не кривые крючковатые лапы). Именно эти качества связаны с образом паука в мифологических картинах мира разных народов, что объясняется повсеместной распространенностью этого вида животных. В мифологических традициях [3] с образом паука связываются творческая деятельность, ремесленные навыки, трудолюбие, благоприятные предзнаменования (ср. в связи с этим запрет убивать паука), мудрость, а также холодная жестокость (ср. высасывание крови), дьяволичность (как реализация символических значений паука в христианстве), жадность, злобность, колдовские способности.

Тонкие сети, раскидываемые пауком, народная фантазия на основании очевидного сходства уподобляла пряже и тканям, поэтому в некоторых языках названия, присвоен-

ные пауку, указывают в нем искусного *прядильщика и ткача* (трудно представить себе искусного ткача с кривыми руками): санскр. *var* 'покрывать' → сущ. *uga* 'волна, шерсть', *ṛta* 'руно' и *ṛtapa bha* 'прядильщик, ткач; паук'; ст.-слав. *пажъ* 'ткач; паук'; нем. *spinnen* 'пряхть' имеет 4 производных сущ.: *spinnrad* 'прялка', *spindel* 'веретено', *spinne* 'паук' и *spinnengewebe* 'паутина'; с.-х. *свила* означает и 'шелк', и 'летающую по воздуху паутину', рус. *паутинка* 'тонкая пуховая ажурная шаль ручной вязки'. В христианскую эпоху на Деву Марию были перенесены древнейшие предания о прядущей богине-громовнице, поэтому Богородица стала изображаться прядущей, а осенняя паутина получила названия *Mariefaden*, *Mariegarn*. Под влиянием указанных воззрений паук был признан воплощением эльфа, и в соответствии с добрыми и злыми свойствами эльфических духов связанные с ним приметы и поверья имеют двойственный характер.

С одной стороны, хорошим знаком считается увидеть прядущего паука, паука, взползающего на чье-нибудь платье или спускающегося на человека на тонкой нити паутины. С другой – паукам приписывают неурожаи и, как следствие, голодные годы, в народных легендах черт нередко показывается в виде паука. Плетущий паутину злодей, молчаливый и грозный ловец, паук, обладал небольшими размерами, чтобы спрятаться в капюшоне ведьмы и нашептывать ей на ухо советы, поэтому увидеть паука во сне означает столкнуться с предательством. С магическими целями паук изображается на талисманах, известны рассказы о том, как паук спас младенца Христа от жестокости Ирода (ср. аналогичные мотивы о спасении от врагов Давида и Мухаммеда с помощью паука и сотканной им паутины). Превращенный в паука за некий проступок мифологический персонаж (греческий миф об Арахне) сохраняет способность к ремеслу. В других случаях обладающий искусством ткать паук обучает людей ткачеству – первому из ремесел, благодаря которому был создан мир, космическая ткань, первовещество вселенной.

Таким образом, *паук является символом с тремя различными значениями*, которые проистекают из созидательной мощи паука (плетение паутины), его агрессивности и самой паутины как спиралевидной сети, сходящейся к центральному пункту. Паук, сидящий в своей паутине, ассоциируется с центром мира, пауки с их непрерывным плетением паутины и способностью к убийству (созиданием и разрушением) символизируют непрерывное чередование противоположных сил, от которых зависит стабильность мира, означая ту «непрерывную жертву», которая является формой непрерывной изменчивости человека на всём протяжении его жизненного пути. Даже сама смерть просто сматывает нить прежней жизни для того, чтобы начать пряхть новую. Благодаря своей спиралевидной форме *паутина* также несет в себе идею творения и развития – колеса и его центра. Но в этом случае в центре подстерегает смерть и разрушение, так что паутина с пауком посередине становится символом отрицательного аспекта Вселенной, согласно которому зло существует не только на периферии Колеса Превращений, но и в самом его центре – в Первоисточнике.

Некоторые из перечисленных свойств паука и символических значений его образа в мифологической картине мира отразились в развитии семантики слова паук в истории русского языка, которое в прямом значении в форме паоукъ отмечено в памятниках древнерусской письменности с XIV в.: *паоукъ на ловъ хитръ мережу 'сеть, невод' строить* [2, с. 359]. Тогда же, видимо, сложилось и небольшое словообразовательное гнездо: *паоукъ* → *паоучина* 'паутина' → *паоучиньный* 'тонкий, как паутина'; *паоукъ* → *паоучинь* 'паучий'; *паоукъ* → *паоучь* 'паучий' → *паоучьный* 'тонкий, как паутина' и устойчивое словосочетание *поставь паоучь* 'паутина'. С XVI в. зафиксировано появление переносного значения 'паук → крюковой знак' для обозначения графемы «оѡ». Вплоть до середины XIX в. семантика слова паук, равно как и указанное словообразовательное гнездо, не претерпели никаких существенных изменений. Можно отметить лишь многочисленные фонетические варианты и образные синонимические обозначения паука, зафиксированные диалектными словарями, которые характеризуют животное с разных сторон: *павукъ, павокъ, павко, павель, мизгирь, муховоръ, сътникъ, тенетникъ, кошель* (и в латинском языке одно из шуточных устойчивых выражений связывает семантику кошеля и паутины: *sacculus plenus araneaeum* – букв. 'кошелёк, полный паутины', т.е. совершенно пустой). Попутно заметим, что ни один из приведённых синонимов не отмечает кривых крючковатых лап паука.

Словари конца XIX – начала XX в. отмечают появление у слова паук нового переносного значения 'беспощадный кровопийца, извлекающий выгоды из трудов другого (высасывающий, как паук, кровь и силы)': *Наработался, значит ... Пососал ты из меня крови, высосал и вон меня... Ах ты ... паук!* (М. Горький. Коновалов). Позднее в разговорной речи пауками стали называть тайных агентов охраны. Примерно в это же время подобное переосмысление происходит и в семантике слова паутина, ср.: *Стройные витые колонны поддерживали все здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетённые между собою целой паутиной железных рам* (А. Гаршин. *Attalea princeps*). Это значение послужило основой формирования нескольких устойчивых сочетаний, фиксируемых словарями конца XX в.: *плести паутину, опутать паутиной лжи, паутина заговора* – и продолжает активно использоваться для обозначения новых реалий: *Всемирная Паутина* – сервис в Интернете, представляющий все тексты, находящиеся в этой сети, как связанные друг с другом системой ссылок (*путешествовать по Всемирной Паутине*).

Из вышеизложенного следует, что внутреннюю форму слова паук составляют такие его качества, как искусство прядильщика и ткача, хитрость и ловкость охотника, жадность и жестокость, что никак не связано с внешним признаком крючковатости и кривизны лап (об этом же см. в статье В.Г. Складенко [1]). В связи с этим более оправданным представляется объяснение происхождения слова паук от общеслав. глагола *jēti, продолжающего и.-е. корень *em- и заложенную в нем семантику 'брать, хватать': *ра-ѡ-къ//*ра-је-къ < *ро-ѣti, *ро-имѡ < *jēti, *jъmѡ (ср. ст.-слав. *яти, иму*

'братъ'; чеш. *jmoti* 'взять'; словц. *jať*, *jme*, *jmu* 'взять, схватить'; в.-луж. *jes* 'взять, схватить, захватить'; польск. *jać*, *imić* 'схватить, взять, поймать'; др.-рус., рус.-цслав. *яти*, *имоу* 'взять, брать, схватить'; рус. диал. *ять* 'стать, брать', *нять* 'взять, досадить, задеть за живое', *яться* 'брататься, обещаться'; укр. *яти*, *иму* 'начинать, брататься', *няти*, *иму* 'братъ'; блр. *няць* 'взять, схватить'). Таким образом, семантическое развитие лексемы *паук* можно представить в виде схемы: 'братъ, хватать' → 'взять, схватить, поймать' → 'тот, кто ловит, хватает; ловец, охотник' → 'паук'.

Літэратура

1. Скляренко, В.Г. *Етимологічні розвідки* / В.Г. Скляренко // *Мовознавство*. – 1992. – № 5. – С. 11–16.

1. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*: в 10 т. Т. 6 / РАН; Ин-т русского языка имени В.В. Виноградова; гл. ред. И.С. Улукханов. – М., 2000. – 606 с.

2. Топоров, В.Н. *Паук* / В.Н. Топоров // *Мифы народов мира: энциклопедия*: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 295.

Радзіваноўская Н.А., Мінск

ДА ПЫТАННЯ ПАХОДЖАННЯ АЙКОНІМАУ, СУАДНОСНЫХ З ЛЕКСЕМАМІ ДУБ, ЛІПА

Уласныя назвы узнікаюць на розных этапах развіцця грамадства і нясуць у сабе адбітак сваёй эпохі. За аснову оніма бярэцца далёка не кожнае слова, а толькі тое, якое абазначае характэрную і важную для свайго часу рэалію. У адзін перыяд гісторыі чалавецтва гэта прыродныя асаблівасці мясцовасці, у друп – назва калектыву першапачаўнага, у трэці – імя ўладаўніка паселішча і г.д. Той ці іншы выбар абумоўлены не столькі асаблівасцямі геаграфічнага аб'екта, колькі рознымі гістарычнымі прычынамі: станам грамадска-эканамічнага і палітычнага жыцця, узроўнем агульнай культуры людзей, усталяванымі традыцыямі імянавання і інш. Калі пачатковы перыяд узнікнення уласных назваў населеных пунктаў (XI–XIII стст.) называюць "стыхічным", не абумоўленым свядомымі псіхалінгвістычнымі прычынамі, то ў больш позні час (XIX–XX стст.) – гэта пераважна "свядомы", у пэўнай меры суб'ектыўны моватворчы працэс, калі пры называнні новых паселішчаў і пераймянаванні традыцыйных актуна выкарыстоўваўся вопыт папярэдніх пакаленняў. Такім чынам, лексічны матэрыял для геаграфічных найменняў чалавек браў не выпадкова, а падбіраў з улікам пэўных заканамернасцей.

Наяўнасць на беларускай зямлі спрадвечу вялікага мноства лясоў, бароў і гаёў давала падставы нашым продкам вызначыць пераважную пароду дрэў, кустарнікаў і травяністых раслін, якая часта з'яўлялася адметнай асаблівасцю той ці іншай мясцовасці, мела немалаважнае значэнне ў штодзённым побыце, гаспадарчай дзейнасці, і ўтварыць ад яе назву свайго паселішча. З народных традыцый вядома,